Калин-царь

Да из орды, Золотой земли,
Из тоя Могозеи богатыя,
Когда подымался злой Калин-царь,
Злой Калин-царь Калинович,
Ко стольному городу ко Киеву
Со своею силою с поганою.
Не дошед он до Киева за семь верст,
Становился Калин у быстра Непра.
Сбиралося с ним силы на сто верст,
Во все те четыре стороны.
Зачем мать сыра земля не погнется?
Зачем не расступится?
А от пару было от кониного
А и месяц, солнце померкнуло,
Не видеть луча света белого;
А от духу татарского
Не можно крещеным нам живым быть.
Садился Калин на ременчат стул,
Писал ярлыки скорописчаты
Ко стольному городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимеру,
Что выбрал татарина выше всех:
А мерою тот татарин трех сажен,
Голова на татарине с пивной котел,
Которой котел сорока ведер,
Промеж плечами косая сажень.
От мудрости слово написано:
Что возмет Калин-царь стольной Киев-град,
А Владимера-князя в полон полонит,
Божьи церкви на дым пустит.
Дает тому татарину ерлыки скорописчаты,
И послал его в Киев на́скоро.
Садился татарин на добра́ коня,
Поехал ко городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимеру.

А и будет он, татарин, в Киеве,
Середи двора княженецкого,
Скакал татарин с добра́ коня;
Не вяжет коня, не приказывает,
Бежит он в гридню во светлую,
А спасову образу не молится,
Владимеру-князю не кланется,
И в Киеве людей ничем зовет.
Бросал ерлыки на круглой стол
Перед великого князя Владимера.
Отшед татарин, слово выговорил:
— Владимер-князь стольной киевской!
А наскоре сдай ты нам Киев-град,
Без бою, без драки великие,
И без того кроволития напрасного.
    Владимер-князь запечалился,
А наскоре ерлыки распечатывал
И просматривал,
Глядючи в ерлыки, заплакал, свет.
По грехам над князем учинилося:
Богатырей в Киеве не случилося,
А Калин-царь под стеною стоит;
А с Калином силы написано
Не много, не мало — на сто верст,
Во все четыре стороны.
Еще со Калином сорок царей со царевичем,
Сорок королей с королевичем,
Под всяким царем силы по три тмы, по три тысячи;
По праву руку его зять сидит,
А зятя зовут у него Сартаком;
А по леву руку сын сидит,
Сына зовут Лоншеком.
И то у них дело не окончено,
Татарин из Киева не выехал.
Втапоры Василей Пьяница
Збежал на башню на стрельную,
Берет он свой тугой лук разрывчатой,
Калену стрелу переную,
Наводил он трубками немецкими,

А где-то сидит злодей Калин-царь.
И тот-то Василей Пьяница
Стрелял он тут во Калина-царя;
Не попал во собаку Калина-царя,
Что попал он в зятя его Сартака:
Угодила стрела ему в правый глаз,
Ушиб его до смерти.
И тут Калину-царю за беду стало,
Что перву беду не уту́шили,
А другую беду они загре́зили,
Убили зятя любимого
С тоя башни со стрельныя.
Посылал другого татарина
Ко тому князю Владимеру,
Чтобы выдал того виноватого.
А мало время замешкавши,
С тое стороны полуденные,
Что ясной сокол в перелет летит,
Как белой кречет перепо́рхивает,
Бежит паленица удалая,
Старой козак Илья Муромец.
Приехал он во стольной Киев-град,
Середи двора княженецкого
Скочил Илья с добра́ коня,
Не вяжет коня, не приказывает,
Идет во гридню во светлую;
Он молится спасу со пречистою,
Бьет челом князю со княгинею,
И на все четыре стороны,
А сам Илья усмехается:
— Гой еси, сударь Владимер-князь!
Что у тебя за болван пришел?
Что за дурак неотесаной?
Владимир-князь стольной киевской
Подает ерлыки скорописчаты.
Принял Илья, сам прочитывал;
Говорил тут ему Владимер-князь:
— Гой еси, Илья Муромец!
Пособи мне думушку подумати,

Сдать ли мне, не сдать ли Киев-град,
Без бою мне, без драки великие,
Без того кроволития напрасного?
Говорит Илья таково слово:
— Владимер-князь стольной киевской!
Ни о чем ты, осударь, не печалуйся:
Боже-спас оборонит нас,
А не что, пречистой, и всех сохранит!
Насыпай ты мису чиста се́ребра,
Другую — красна золота,
Третью мису — скатного земчуга;
Поедем со мной ко Калину-царю,
Со своими честными подарками,
Тот татарин-дурак нас прямо доведет.
Наряжался князь тут поваром,
Замарался сажею котельною.
Поехали они ко Калину-царю,
А прямо их татарин в лагери ведет.
Приехал Илья ко Калину-царю
В его лагери татарские.
Скочил Илья с добра́ коня,
Калину-царю поклоняется,
Сам говорит таково слово:
— А и Калин-царь, злодей Калинович!
Прими наши дороги подарочки
От великого князя Владимера:
Перву мису чиста се́ребра,
Другу — красна золота,
Третью мису — скатного земчуга;
А дай ты нам сроку на три дни,
В Киеве нам приуправиться,
Отслужить обедни с панафидами,
Как-де служат по усопшим душам,
Друг с дружкой проститися.
Говорит тут Калин таково слово:
— Гой еси ты, Илья Муромец!
Выдайте вы нам виноватого,
Который стрелял с башни со стрельныя,
Убил моего зятя любимого!

Говорит ему Илья таково слово:
— А ты слушай, Калин-царь, повеленое:
Прими наши дороги подарочки
От великого князя Владимера.
Где нам искать такого человека и вам отдать?
И тут Калин принял золоту казну
Нечестно у него, сам прибранивает.
И тут Илье за беду стало,
Что не дал сроку на три дни и на три часа,
Говорил таково слово:
— Собака, проклятой ты Калин-царь!
Отойди с татарами от Киева:
Охота ли вам, собака, живым быть?
И тут Калину-царю за беду стало,
Велел татарам сохватать Илью;
Связали ему руки белые
Во крепки чембуры шелковые,
Втапоры Илье за беду стало,
Говорил таково слово:
— Собака, проклятый ты Калин-царь!
Отойди прочь с татарами от Киева:
Охота ли вам, собака, живым быть?
И тут Калину за беду стало
И плюет Илье во ясны очи:
— А русской люд всегды хвастлив,
Опутан весь, будто лысой бес,
Еще ли стоит передо мною, сам хвастает.
И тут Илье за беду стало,
За великую досаду показалося,
Что плюет Калин в ясны очи,
Скочил в полдрева стоячего,
Изорвал чембуры на могучих плечах.
Не допустят Илью до добра коня,
И до его-то до палицы тяжкия,
До медны литы в три тысячи.
Схватил Илья татарина за ноги,
Которой ездил во Киев-град,
И зачал татарином помахивати:
Куда ли махнет — тут и улицы лежат,

Куды отвернет — с переулками;
А сам татарину приговаривает:
— А и крепок татарин, не ломится,
А жиловат, собака, не изо́рвется.
    И только Илья слово выговорил,
Оторвется глава его татарская,
Угодила та глава по силе вдоль,
И бьет их, ломит, вконец губит.
Достальные татара на побег пошли,
В болотах, в реках притонули все,
Оставили свои возы и лагери.
Воротился Илья он ко Калину-царю,
Схватил он Калина во белы руки,
Сам Калину приговаривает:
— Вас-то, царей, не бьют, не казнят,
Не бьют, не казнят и не вешают!
    Согнет его корчагою,
Воздымал выше буйны головы своей,
Ударил его о горюч камень,
Расшиб его в крохи .....
Достальные татара на побег бегут,
Сами они заклинаются:
— Не дай бог нам бывать ко Киеву,
Не дай бог нам видать русских людей!
Неужто в Киеве все таковы,
Один человек всех татар прибил?
    Пошел Илья Муромец
Искать своего товарища,
Того ли Василья Пьяницу Игнатьева;
И скоро нашел его на кружале петровскием;
Привел ко князю Владимеру.
А пьет Илья довольно зелена́ вина
С тем Васильем со Пьяницей,
И называет Илья того Пьяницу
Василья братом названым.
То старина, то и деянье.

Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым.
Подготовка текста, статья и комментарии С. К. Шамбинаго. М., 1938.